

Л.С. Буркина

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОСТИ:
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
МОДИФИКАЦИИ**

Буркина Лариса Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М.И. Платова
e-mail: burkina.68@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена чрезвычайно актуальной теме современного социально-гуманитарного знания и связана с проблемами отклоняющегося поведения человека. В статье делается вывод о том, что личность является и субъектом культуры, и потребителем культурных благ; что существующие типы девиантности связаны с проблемой выбора и ответственности в культуре и классифицируются по критерию отношения к ядру культуры и характеру культурных изменений.

Ключевые слова: девиантность, типы девиантного поведения, культурные изменения, надприродность культуры, классификация девиантности, культура.

Устанавливая, что личность является и субъектом культуры, и потребителем культурных благ, мы не должны забывать о том, что культура признает раздвоенность личности как существа естественного и существа надприродного. В этом смысле возникают сложности в определении девиантности. Иными словами, если следовать логике надприродности культуры, естественность табуируется, а культура становится «молотом» человеческих желаний. Человек находится в

зажатости между культурой, суперэго и человеческими желаниями. Именно на основе этого происходит релятивизация ценностей культуры, упрочивание позиций со свободой культурного самовыражения, как манифестация разрушения некультурной традиции.

Обвинение культуры в репрессивности априори ведет к осознанию ненужности классификации девиантности. Если девиантность есть не что иное, как репрессия свободы и репрессия человеческого духа, то культура не может быть инструментом противодействия индивидуальному самовыражению. Поэтому классификация дается на откуп социально-психологическим интерпретациям.

Если же исходить из выдвинутого нами предположения о культурной рефлексии, принципа коррелируемости, возможной является классификация девиантности в культурно-историческом контексте, выведения различных форм девиантности с ссылкой на внутренний опыт культуры. Развивая это положение, мы можем быть последовательными только в том случае, если подчеркиваем, что для девиантности характерно не вписаться в отклонение от нормативности, правильности, а движение в рамках отказа от сложившихся культурных форм, которое может быть и безобидным, как пренебрежение культурной традицией, так и кризисным, как манифестация отказа от самого смысла культуры.

В контексте исследования очевидной становится классификация форм девиантности по отношению к ядру культуры, к системе культурных ценностей. Иными словами, первым подходом становится разделение девиантности в оценочном смысле как разрушительной и созидательной, деструктивной и креативной. История культуры убеждает в возможности такого сравнения, но такое сравнение «грешит» тем, что мы можем представить многообразие культурных форм, свести к борьбе культуры и антикультуры. Чтобы уберечься от подобной бессодержательной по отношению к культурной рефлексии схемы, для нас важным становится нахождение критерия классификации в самой ткани культуры.

Уже в начале XX в. в европейской, в том числе и в русской, культуре поляризуются два направления восприятия и культурной рецепции девиантности: мифологическая и эстетическая. Обе взаимоисключающие на первый взгляд линии – эстетизация отклонений и, с другой стороны, очищение ее путем катарсиса – в реальности апеллируют к духовному пониманию культурной символики, видят в девиантности эвристичность человеческого духа. Именно в противоречивой разно-

ликости обнаруживаются импульсы, дающие осмысление человеческому творчеству.

Девиантность теряет свою локальность, геттоизированность в сфере культуры и начинает претендовать на некую универсальность, правда, такое понимание наталкивается на сложившуюся вне культурной среды социологическую позитивистскую концепцию социального контроля. Между тем в контексте культурных исканий, если понимать культуру вовсе не как путь простого приращения духовных ценностей, девиантность облегчает понимание радикальности сдвигов в культуре, дает возможность приобщиться к процессу формирования культурных новаций.

Переоценка смысла девиантности как противостояние господствующей культуре уже являет то, что под девиантностью могут понимать некие культурные контуры и феномены. Поэтому классификация девиантности в контексте осознания кризиса предшествующей социокультурной парадигмы дает возможность систематизировать девиантность в соответствии с критерием культурной динамики. Иными словами, мы выделяем девиантность по критерию инновационности, обновления, и девиантность как явление кризисности или стагнации культуры.

Примером первого являются культурные разрывы, знаменующие возникновение новой культурной парадигмы. Характерно, что в условиях непризнания они могут латентно, но непреклонно переходить в деструктивные формы, так как не существует однотипных культурных форм. Сходство культуры может быть только аналитическим. Для классификации девиантности важно установить не контекстуальную соотносительность, а выявить то, каким образом те или иные процессы, характеризующиеся или воспринимаемые как девиантные, становятся катализатором или разрушителем культурных форм.

Противоречия в ценностно-нормативных установках, ориентациях культуры часто, в отличие от прагматики социальной сферы, выделяются специфичностью своей идеологической обусловленности, несовместимостью ценностных позиций [1, с. 194]. Для нас важно, как пишет немецкий исследователь У. Бек в книге «Что такое глобализация?», достичь межкультурного консенсуса, того, что взаимное переплетение и обязательства культуры должны выражать ее универсальность [2, с. 230].

Культурная рефлексия выводит нас на осмысление классификации как кодифицированной процедуры, предпринимаемой с целью обозначить девиантность в рамках совместимости с культурным про-

цессом. Таким образом, мы можем сказать, что девиантная личность не в последнюю очередь означает некое видение, некоторую идею, из которой можно вывести масштабы культурного действия.

То, что часто открывается, а на самом деле изобретается личностью, может противоречить образу культурного человека, а сама культурная самоидентификация в условиях утраты однозначности девиантности выглядит результатом смешивания культур. Классификация, таким образом, вынуждена лавировать между опасностью смешения и невозможностью обозначения чистых форм девиантности. Это «предупреждение» означает, что девиантность личности в культурно-историческом контексте подводит к тому, что можно классифицировать только такие типы девиантности, которые, имея локальное происхождение, претендуют на некоторую универсальность: из отдельных контркультурных феноменов становятся ведущей тенденцией. Признавая это обстоятельство, мы можем говорить о трех типах девиантности личности.

Первый связан с квазитрадиционализмом, когда, как ни парадоксально звучит, девиантностью становится само стремление избежать девиантности, гипертрофированность в отношении любых культурных инноваций, в отрицании любых контркультурных форм. Традиционалистская, точнее, квазитрадиционалистская, направленность в культуре выражается в том, что традиция становится заложником некультурных амбиций, а корыстное стремление сохранить культурную монополию приводит к легитимации в культурной среде инородных административных или социальных практик.

Примером административных практик выступают попытки руководить культурой со стороны лиц – представителей околокультурной среды, того, что называют культурным чиновничеством. Сама культура, не имея достаточного запаса сопротивляемости некультурному произволу, становится сферой идеологических манипуляций. Культурное администрирование в советский период было связано с тем, что сам проект социалистической культуры замысливался как инновационный. Но так как в отторжении традиции есть «зародыш» квазитрадиционности, в период формирования советского ампира, советской классики возникла необходимость отстаивания ставших эталонными образцов культуры. При этом использовалась апелляция как к высокой классике, так и к идеократии советского общественного устройства.

Девиантность выражалась в том, что под соблюдением традиций понималась верность идеологическим принципам в упрощенном смысле, а во внутрикультурном контексте – следование определенным

канонам социалистического реализма, который, допустим, в отличие от «фантастического» Г. Маркеса, стоял на позициях идеологизирования действительности, выбраковывания и табуирования тех сюжетов, которые не вписывались в идеологическую конструкцию социализма.

Квазитрадиционность можно классифицировать как девиантность, так как в ней проявляется не присущая культуре агрессивность по отношению к иным культурным образцам или абсорбция культурных образцов, причем до неузнаваемости в целях сохранения целостности культурной системы. В свое время советский диссидент В. Кожанов выражал сожаление по поводу того, что, столкнувшись с рыночным запросом на культуру, деятели искусства ощутили свою ненужность в качестве духовных авторитетов, что советская элита трепетно относилась к классикам культуры.

Мы далеки от того, чтобы идеализировать ситуацию, так как необходимо помнить, что в рамках квазитрадиционализма как культурной девиантности прослеживается четкий разрыв между культуротворчеством и культурной лояльностью. Можно сказать, что если советский период и отмечен культурными достижениями, то их существование обязано не квазитрадиционализму, а тому, что в рамках культурной монолитности возникали ниши творческой девиантности, связанной с тем, что художник мог в лаборатории своих дум и мечтаний обрести свободу, не претендуя на самовыражение в политической или социальной сферах.

Не анализируя подробно феномен советского культурного диссидентства, можно сказать, что квазитрадиционализм в целом наложил влияние на развитие российской культуры, так как до сих пор выступает прибежищем культурных стагнантов, выявляет агрессивность по отношению к иным образцам культуры, трактуя их как чужеродные, космополитические или противоречащие базисным культурным ценностям.

Сложность культурной рефлексии состоит в том, что квазитрадиционализм внешне озабочен сохранением культурного наследия, выступает последователем культурного почвенничества и культурной самоидентификации. Если бы не то, что, во-первых, квазитрадиционализм неизбежно вырождается в имитацию культурных форм; во-вторых, под видом борьбы с чужеродными влияниями обрекает культуру на реверсию, обесценивание культурных форм. Думается, что ничто не нанесло вреда российской классике, как ее догматизм в оценке явлений русской культуры, в использовании схематизма по принципу дихотомичности для оценки явлений культурной жизни.

Для динамики культуры квазитрадиционализм означает доминирование над культурным творчеством культурной стагнированности, вырождается в игру частных интересов и под видом борьбы против культурно-релятивистского подхода реально утверждает релятивизм, гипертрофирует особенность развития культуры как третьего пути. Преследуя явные некультурные цели, сторонники квазитрадиционализма допускают лишь частичную ассимиляцию инноваций в виде стереотипизированных, слабоосознаваемых шаблонов символизации и взаимодействия [1, с. 326]. На наш взгляд, необходимым признаком культурной имитации является постоянная опора на традицию, исключая минимальную рефлекссию относительно новых культурных феноменов.

Главным является стремление показать, что культура остается высокой, но при этом становится фактически недостижимой и непонятной большинству общества. Действительно, устанавливая связь квазитрадиционализма с девиантностью, можно показать, что девиантность как отступление от динамики и разнообразия культуры, как имманентных параметров ее существования, приводит к производству подделок под культуру.

На этом фоне неопочвенники (школа В. Личутина) не выглядят лучше своих культурных оппонентов. И для тех, и для других свойственно видеть в культуре пространство и сферу несамостоятельности, превознесение социального человека над человеком естественным. Под грузом внекультурных целей девиантность превращается из формы противоречия, проявления кризисности предшествующих культурных парадигм в практику попраения суверенности культуры.

Рассматривая квазитрадиционализм в качестве проявления девиантности, можно сказать, что происходит отказ от смысловой правильности, что роднит квазитрадиционалистов с постмодернистами, нагромождающими или повторяющими выбор импульсов, культурные отказы. Эту особенность уловила только Ю. Кристева, которая отмечает, что в такой ситуации предпочтительной оказывается агрессивность, дающая возможность культуре не самореализоваться в собственном пространстве, а быть импульсом, направленным вовне на окружающую среду [3, с. 184].

Квазитрадиционалисты часто выступают культурными менторами общества, противопоставляя себя – носителя традиции и непросвещенную массу: в этой ситуации благие цели по предотвращению культурной деградации общества становятся означением перфектности культуры и, на наш взгляд, приводят к удлинению дистанции, к углуб-

лению разрыва между таким образом трактуемой традицией и реальным запросом на новые культурные формы.

Квазитрадиционализм является близнецом с ложным новаторством, с тем, что мы можем назвать имитацией по созданию новых форм. По существу ложные новаторы выступают культурными нигилистами: конфликтуя с квазитрадиционалистами по поводу преемственности и развития культуры, новаторская личность, как правило, исходит из достаточно примитивного, но распространенного принципа, что новое есть прогрессивное.

Не рассуждая о том, что инновационность часто служит прикрытием бесталанности или необоснованных претензий на культурную исключительность, мы должны принимать во внимание тот факт, что развитие культуры не обезопасено от влияния околокультурной среды, что вмешательство внешних воздействий в культуру более часто и имеет большие последствия, чем мы предполагаем. Поэтому, выдвигая на первый план понимание девиантности как имманентности культуры, не следует отождествлять лжеинноваторов с реальным течением культуры, которая не могла бы состояться, если бы в ней не происходило принципиальных изменений.

Посягая на существующие ценностно-нормативные основания культуры, представители ложной инновационности «эксплуатируют» потребность в новых формах культуры. Но их искания тем более нельзя отождествлять с динамикой и катализацией культурного процесса. Крайней формой агрессивного противостояния является культ рейдерства, проповедь несомненного превосходства новой культуры над старой классической.

Вопреки утверждениям представителей исключительной инновационности реализовать свое «высокое» призвание, они могут это манифестировать, только размывая границы культуры, тем самым поддерживая антикультурные интенции. Для них свойственно, как и для квазитрадиционалистов, замыкаться в собственном частичном дискурсе. Спасительной аргументацией выступает культурный релятивизм, но, как и культурная традиция, эта позиция используется для того, чтобы показать иерархию культурных форм, тем самым расслаивая культуру на противоположные, несовместимые сегменты.

Следует отметить, что культурное творчество является таковым по определению, если развивается по логике рефлексивности, сочетая смену культурных парадигм с расширением культурного пространства и, соответственно, способности культуры влиять на практическое преобразование человека и человеческой жизни. Характеризуя основные

параметры культурной инновационности, следует учитывать и то, что не существует универсального критерия для культурных инноваций. В силу этого обстоятельства инновационность может отличаться от лжеинновационности тем, что усиливает потенциал социальной консолидации и обеспечивает коллективное существование и деятельность людей [1, с. 205].

Можно, конечно, сузить это положение тем, что культурные инновации, как правило, проходят этап вынашивания на уровне элементарности, а только затем распространяются, популяризируются, проникают в массовое сознание, а часто в силу своей высокой идейности или сложности не становятся ее достоянием. На этот счет российские исследователи И.Т. Касавин и С.П. Щавелев пишут о том, что с абстрактной точки зрения инновация не приемлема в мире тривиальных вещей и часто может подменяться мифологемами, быть подверженной однозначным интерпретациям [5, с. 295].

Параллели культурной инновации с социальными или технологическими изменениями содержат эмоциональную подпитку, но по существу не объясняют, каким образом культура может избежать размытия своего ценностного ядра, оставаться культурой как мощной релятивной и познающей, воспитывающей силой человека. Повседневный опыт, в отличие от культуры, дает только упрощающие, примиряющие картины повседневности, в то время как смысл культуры состоит в систематической творческой работе [5, с. 400].

Поэтому для рефлексии лжеинноваторства важно, что оно является результатом скоротечения или мифологизирования отдельных черт культуры, потребляемой чаще всего либо ссылками на неизбежность неузнаваемости обществом, либо указанием на засилие консерватизма. Девиантность в этой ситуации может быть представлена как минимум тремя видами.

Первый вид связан с претензией частных, несущественных изменений быть означением прогресса культуры, когда гигантская созидательная работа подменяется символическими эффектами. Второй вид определяется стремлением рассматривать культуру как сферу эксперимента над людьми, быть формой вбрасывания, интегрирования в культуру, по существу, некультурных форм и смыслов (таковым, например, является психоделическое искусство). Третий вид лжеинновации, по-видимому, связан с внутрикультурной агрессией, нападкой на традиционные формы культуры, паразитированием на ее реальных или конструируемых изъянах. Таковыми являются современные практики квазирелигиозного противоборства.

Само обращение к культурным инновациям, к культурным изменениям вызвано тем, что в контексте массовизации культуры, перевода на коммерческие рельсы формирование различных форм проективности, когда стартовым является не творчество автора, а определенные технологии контекстуального свойства, требует от исследователя выявления девиантности в отступлении от смысла культуротворчества, расширения и формирования новой культурной реальности, гуманизирующей человеческое существование и развивающей творческие способности человека.

Внутри культуры возможны разные ситуации, связанные с нарушением гармонии инновационных форм и традиции. Как пишет С. Бенхабиб, главное, что мультикультурализм является по существу совмещением конфликтующих, несовместимых, зачастую противоречивых и нелогичных повседневных нарративов [6, с. 11]. Другими словами, культурное творчество идет на поводу у аморфного повседневного смысла. Избегая того, что культура называет расширением горизонтов человека до неузнаваемости, ложные инновации вносят в культуру конечную неопределенность, связанную с тем, что дискуссия развивается по сценарию не перспектив культуры, а ее предполагаемого конца.

Конструктивная девиантность обычно ассоциируется с культуротворчеством. Но дискуссионное, на первый взгляд, определение нуждается в уточнении. Во-первых, есть проблема обозначения конструктива в культурно-историческом контексте. Так как сейчас признано, что существует несовместимость культурных норм по поводу того, что считать конструктивным и неконструктивным и что обозначается сложностями внедрения мультикультуральных практик, когда бесспорные, казалось бы, нормы локальной культуры противоречат существующим в обществе правовым и ценностным основаниям.

Во-вторых, нельзя процесс культуры рассматривать сугубо как пространство творчества. Несмотря на стереотип «люди культуры – люди творчества», меньшее значение в культуре имеет воспроизводство культурных форм. Иногда оно может принять, как мы отмечали ранее, квазитрадиционалистский уклон, выступать девиантностью по отношению к структуре и динамике культуры.

Рассматривая эти обстоятельства, мы исходим из того, что девиантностью является та деятельность, которая направлена на обогащение социокультурных парадигм, позволяет преодолеть кризис культурной недостаточности и включить новые формы в культурный мейнстрим – мейнстрим созидания, культивирования человека. У. Бек по этому поводу резонно отмечает, что из непокоя, взаимного вмеша-

тельства, взаимоисключающих уверенность в собственной правоте, выхода нет [2, с. 150].

Конструктивная девиантность тем и отличается, что ведет не к диалогу «глухих» и релятивистской самоуверенности, для нее важно, что культурное приращение означает уверенность в том, что взаимный обмен перспективами и аргументами имеет смысл. Кроме того, в культурной девиантности есть самокритика, самоирония, не допускающая возможности абсолютизации нового. Это означает, что ни одна из культур не обладает той степенью значимости, что утверждает, защищает и обосновывает ценности человека.

Как известно, культура есть пространство взаимодополняющих и частично взаимоисключающих смыслов, что делает неправомерными обоснования на выстраивание градации культуры и в то же время требует движения к сближению, к диалогу культур. Деструкция, девиантность определяется тем, что отклонение, даже если оно противоречит существующим социокультурным парадигмам, как инициирует серьезный разговор о судьбах культуры, так и устанавливает определенные цели культуротворчества.

Имеется в виду, что, выстраивая параллельные существующим социокультурным парадигмам мира, личности мыслят свою деятельность подвижной, что делает возможным взаимное переплетение культуры и инновации. Это может показаться шокирующим, если исходить из того, что «масскульт», напротив, стремится, как это очевидно, к устремленности, нивелированности различий. Необходимо помнить о том, что конструктивная девиантность связана с сохранением тех различий, которые и характеризуют культуру как динамичное состояние.

Немецко-итальянский философ Р. Гвардини писал, что происходят изменения в отношении и к личности, и к субъекту. Человеческий дух свободен творить и добро, и зло, строить и разрушать [7, с. 207]. Главное, чтобы не принять ложное направление. Не следует человека заключать в рамки несоответствующих ему категорий: биологических, психологических, социологических [7, с. 208]. Если смысл культуротворчества состоит в том, чтобы утвердить и наполнить самого себя, это означает, что то, что мы воспринимаем как девиантность, есть шаг человека в узнавании самого себя.

Естественно, Гвардини прав в том, что заявляет, что современная культура не является спокойно-плодотворной, а выступает часто как искупление, спонтанность, истероидность, может создаваться впечатление, что агрессивная девиантность и является единственным средством решения растущих проблем [7, с. 213]. Выход из этой ситуации в

том, чтобы придерживаться обозначенного в культуре смысла культуротворчества как утверждения и формирования гуманности, отвергающей противопоставление культур по принципу деструктивности или конструктивности.

Если культура сама по себе в обществе является лишь средством осуществления взаимодействия субъектов и их коллективов [1, с. 187], для того, чтобы культура не была оцениваема как дифференцированная сфера социальных отношений и только, важно сохранение за культурой традиции свободы духа, даже если культурные изыскания и кажутся обществу неприемлемыми или неожиданными. Для этого элементарного отношения девиантность должна пониматься как принятие предварительного состояния творчества, которое не может быть ограничено только позитивными ожиданиями.

Уязвимость мультикультурализма состоит в том, что принимает хотя и верный по пафосу, но не истинный по смыслу тезис о том, что культуры обречены на взаимодействие. И если и существуют расхождения культур, то это связано с девиантными формами поведения в обществе и деградацией консолидирующей идеологии. На наш взгляд, главным является то, что существуют различные культурные формы, что в культурно-исторических контекстах постоянно меняется соотношение ядра культуры, ценностно-нормативной системы и эмпирических культурных форм, интродуцируемых в повседневном сознании.

Современная европейская культура не может претендовать на роль «абсолюта», так как в своем развитии подпала под влияние сначала табуирования определенных культурных тем, а затем объявилась в постмодернистском варианте как сфера безграничной свободы. Если говорить о перспективах развития культурного процесса, это можно связать с осознанием девиантности в ее истинно революционизирующем смысле, то есть под девиантностью мы понимаем сжатые по времени и богатые по значению периоды формирования новых культурных форм. Иными словами, девиантность есть революция, которая в общественном восприятии ради стабильности воспринимается как нарушение и отклонение, и в последующем периоде культурного «термидора», хотя и теряет свое предписываемое значение на основе примирения с традицией.

Конструктивная девиантность как нонконформизм в проекции к культуре имеет два смысла: во-первых, раздвижение нормативности, принятия компромисса между старым и новым, что позволяет включить неузнаваемое в сферу культуры; во-вторых, соотнесение с конкретным культурно-историческим контекстом, своего рода уступкой

общественным настроениям. Как в социальной жизни смысл коллективного поведения определяется в зависимости от функционирования с социальной системой, а не от представлений и проектов действующих лиц [6, с. 85], так и в культурном пространстве возможности конструктивной трансформации девиантности связываются не с замыслом инноватора, а с тем, какие коллективистские формы циркуляции и обмена идей и культурных смыслов существуют.

Определение схожести или подобия различных стилей жизни является проблематичным, пишет польский исследователь М. Яцино [9, с. 107]. Это также можно отнести и к культурным стилям, но сведение культуротворчества к стилетворчеству является неправомерным, так как девиантность предполагает не наличие стилевого, пусть и контрастного, разнообразия, а культурное революционное изменение, смену социокультурных парадигм.

Позитивная девиантность фиксирует переходный период от одних культурных доминант к другим и является тем способом, что дает сторонникам старой культуры сохранять лицо перед натиском нового и в свою очередь выступать инноваторами, бунтарями, не выходящими за рамки установленных приличий. Такая ситуация, например, наблюдалась в Серебряном веке русской литературы, когда классические формы воспринимались как основание для осуждения в искренности новых культурных стилей (акмеизм и имажинизм).

Позитивная девиантность препятствует разрушению космоса культуры, так как нацеливает и ориентирует культуротворчество на осознание нормативности, дает возможность не забывать, что существуют оценочные критерии. И дело не в истинности, а в том, насколько и в какой степени девиантность обнаруживает потенциал преемственности.

Исходя из этого положения, можно сказать, что развитие современной культуры заключается в том, чтобы говорить о проецированности на механизм интерпретации, на пресечение различных аспектов коммуникативного целого, каковым является культура. Можно сказать о том, что девиантность теряет свой примитивно осуждающий смысл в таком контексте.

В свою очередь, переживающая поворот к разнообразию современная культура принимает форму самокритики, в которой отклонение от нормы есть осознание перехода к новой норме. В этом отношении, пожалуй, можно согласиться с У. Бекком, который видит культурную эволюцию форм жизни в индивидуализации культуры [10, с. 125].

Традиционная внутренняя дифференциация и социально-моральная среда, которые выступали ранее фоновыми характеристиками культуры, заменяются новыми внутренними дифференциациями, значение которых, если для культуры по-настоящему не осмыслено, может принимать состояние девиантности. Иными словами, девиантность – это обозначение неузнаваемого, дающее возможность смириться с неизбежностью культурных перемен.

Нельзя сказать, что в этом смысле произведенная нами классификация подвергается сомнению. Напротив, на наш взгляд, конструктивная девиантность выводит на перспективу деагрессивизации. Агрессивные формы культуры, точнее культивирование агрессивности от имени культуры, не могут списываться на культурно-исторический контекст. Как показывают практики мультикультурализма, в неприятии или отторжении, бойкоте или диффамации иных культурных норм главенствующее значение обретает квазитрадиционализм, а доминирующая культура может интрадуцироваться в лжеинновационных позициях. Между тем от того, как культуры взаимодействуют в смысловом пространстве, зависят возможности включения девиации в культурный мейнстрим.

Не следует забывать о том, что агрессивизации культурных форм способствует нежелание найти общий язык, хотя это и не дает возможности думать, что от этого не изменяются последствия культурной дистанции. Обращаясь к конструктивной (позитивной) девиантности не как к оценочной категории, а как к категории культурной рефлексии, мы должны понимать, что девиантность является революционным изменением и одновременно требует контекстуального универсализма, утверждающего возможности открыть свои самые дорогие формы девиантности для критики другим [2, с. 153].

Самое главное, что принятие позитивной девиантности дает возможность освободиться от универсальной уверенности, от того, чтобы перейти от уверенности к истине в поле универсализма в философском, моральном, политическом отношении [2, с. 153]. Эта позиция означает, что каждая из культур принимает на себя бремя неуверенности, бремя неведения относительной истинности, и должна быть подвергнута внутренней самокритике.

По сравнению с представленными ранее негативными типами девиантности, обладающими гиперкритикой, прерогативой критики других на основе духовного нарциссизма, позитивная девиантность предлагает быть реальными, содержать возможность пересмотра того, что кажется безусловно универсальным. Контекстуальный универсализм полагает, что постмодернистская инверсия децентрированности куль-

туры ведет к исчезновению смыслов. Чтобы уберечь культурное достояние, необходимо достичь известного согласия по поводу обмена, а не игры смыслами. Предлагаемая постмодерном концепция «пастиша» – замены высокой культуры стебом и экспериментом, стремится доказать, что высокая культура устарела и не существует авторитета высоких целей.

Специфический характер позитивной девиантности выражается не в том, чтобы разоблачить процесс культурной мистификации; важно подчеркнуть, что в осмыслении изменений в культуре очевидным становится демонстрация удовлетворения самим процессом творчества, тем, что можно назвать апологией человеческого духа. Эту особенность отмечают социологи «новой волны», которые видят культурный сдвиг в современном обществе в том, что рациональный выбор и культура выступают взаимодополняющими факторами [11, с. 251].

Если представить это утверждение верным и принимать во внимание, что культура в разных обществах может оказаться различной, необходимо исходить из того, что девиантность не может переступить пределы, опровержение ключевых элементов, что рано или поздно осознание девиантности связывается с замещением поколений людей, межгенерационным процессом смены личностей. Это положение, однако, вступает в противоречие с тем, что сам процесс культурных представлений сопровождается «включением» девиаций в вновь воссоздаваемую или конструируемую культурную традицию.

Таким образом, можно отметить, что, классифицируя типы девиантности в культуре на основании критерия изменений, мы можем сказать, что в смысловом поле культуры, во-первых, девиантность определяется тем, насколько усиливается разнообразие культурных ценностей, чему противоречат лжеинновационные и квазитрадиционалистские практики; во-вторых, с тем, что позитивная девиантность является собой процесс культурной революции, в которой происходит включение новых норм, сохраняющей ключевые элементы культуры, составляющие ее ядро.

Эти положения необходимо учитывать, когда мы говорим о том, что девиантность в культуре не может быть трансфертом социологического знания, быть категорией, устанавливающей для культуры пределы и правила, механизмы саморегуляции.

Если следовать гуманистическому подходу, провозглашенному А. Маслоу, девиантность связана с блокированием потребностей, их искаженной реализацией [12, с. 227]. Конструктивная девиантность есть способ преодоления блокирования потребностей через использование механизмов самоактуализации в культуре. Но творческая на-

правленность встречает противодействие, возражение со стороны культурных консерваторов.

Тенденция самоактуализации является ведущей в культурном пространстве не потому, что культура содержит имплицитные предпосылки творчества, а только потому, что культура есть возможность творческого выбора человека. В контексте девиантологического дискурса вопрос о универсалиях творческого «я» потребовал бы дополнительных изысканий, потому что, безусловно, существует необходимость осмысления внешних искажающих обстоятельств.

Мы можем говорить о предварительном понимании в рамках культурной рефлексии, понимании того, что через соединение инноваций и традиций возникает норма. Конструктивная девиантность находится в состоянии когерентности культуры, то есть в определенном отношении к целому, и может быть понята только через выявление культурных смыслов и направленности культурной динамики.

Сама динамика культуры, если культура не находится в статичном состоянии, «сообщает» индивиду, в каком направлении нужно двигаться. Речь не идет о социальном заказе: в культуре индивид сталкивается с вызовами, которые воспринимаются как недостаточность или «заскорузлость» культурных норм.

Как мы видим, процесс культуротворчества определяет расстановку типов девиантности, и культурная рефлексия, являясь наиболее адекватным средством познания жизненного опыта человека, выявляет единство как позитивных, так и деструктивных практик. Л.Е. Моторина справедливо отмечает, что современная философская антропология так и не решила проблему целостного человека, а постмодерн является своего рода капитуляцией перед сложностью проблем человеческого существования [13, с. 118-119].

Девиантность олицетворяет проблематичность существования человека и позволяет выявить основные экзистенциалы его жизненного опыта. Поэтому нельзя рассматривать типы девиантности абсолютно разделенными. Наоборот, можно высказать предположение, что существуют переходы из одного типа в другой, и важно уловить реверсию девиантности потому, что конструктив может вызывать тоску по прошлому (квазитрадиционализм) либо стимулировать агрессивные культурные формы, утверждающие неверие и недоверие к человеку.

По мнению М. Яцино, не существует целостных социальных практик, потому что различные стили жизни по существу образуют анклав [9, с. 87]. Однако мы считаем, что исследование проблем девиантности человека приводит к мысли о целостности социальных практик. Если

даже считать, что культура предоставляет индивиду различную степень свободы восприятия и оценки девиантности, главное, что признается право субъекта на то, что он придает то или иное значение своему выбору.

Это ведет к осознанию личностью своей субъектности в культуре либо как развития идей гуманизма, либо как разрушительной гипертрофированной критики, приводящей к реальным социальным патологиям. Поэтому так важна роль моральной ответственности и способа привязки себя к ней [9, с. 88].

Быть квазитрадиционалистом или включиться в поток лженоваторства – это фактически разделить анонимность, когда стремление быть индивидуалистом основывается на пренебрежении культурными нормами и канонами культурного творчества. Конструктивная девиантность предполагает, что индивид осознанно делает выбор в пользу конфронтации с существующими социокультурными парадигмами, движимый чувством восстановления целостности культурного пространства, защиты гуманистических ценностей.

В таком контексте становится понятным, почему именно девиантность вдохновляет на поиск источников своей индивидуальности и самосоздания. Другой стороной культурной рефлексии девиантности является определение общепринятого значения совершаемого выбора. Естественно, «структурные» обстоятельства могут приводить к накоплению девиантного потенциала, выстраивания параллельных миров.

История культуры показывает, что новые эстетические течения часто выступают как открыто бросающие вызов и претендующие на изолированность от культурного мейнстрима. Однако опыт культурного созидания показывает и то, что при обнаружении творческих интенций, при налаживании культурного диалога возникают культурные конфигурации, включающие носителей традиции и новации, воплощающих свое единство манифестацией конкретной неафишируемой ответственности.

Иными словами, культура предполагает, что личность самостоятельно делает свой выбор. Культурные нормы являются маяками, вехами этого процесса и устанавливают границы, за которыми начинается околочультурная среда. Мир культуры представляет собой вселенную значений [9, с. 95], в которой индивиды осуществляют внезапную и радикальную перестройку культурного мира, своей жизни, жизни, связанной с культурным творчеством.

Девиантность не основывается на простом принуждении или произвольном желании. Влияние конфликтности между правильностью и неправильностью определяется в конкретном культурно-историческом контексте, но универсальными являются сохранение яд-

ра культуры и отношение к изменениям, обеспечивающим преемственность культурных ценностей и норм в том или ином виде, какими бы экстравагантными ни казались новые культурные проекты.

Таким образом, можно сказать, что, во-первых, девиантность в культуре возникает из постоянного чувства неудовлетворенности, из творческого поиска, что, во-вторых, дает либо облегченные варианты, связанные с опорой на квазитрадиционализм и инновацию без ответственности, либо конструктивную девиантность, связанную с переосмыслением норм культуры и стремлением осуществить синтез традиции и новации.

В целом можно сделать следующие выводы. Во-первых, социально-философская рефлексия девиантности показывает, что определение девиантности, которое в классической традиции укладывается в рамки социального контроля и разумности, обнаруживает ограниченность в культурной среде, которая может на первый взгляд представлять как процесс культурного спонтанеизма и девиантности как проявления творческого эгоцентризма. Во-вторых, культурная рефлексия девиантности указывает на то, что в культурном пространстве девиантность может совмещаться как с реальным культурным творчеством, так и с культурным саморазрушением, что связано как с влиянием околокультурной среды, так и с неоднородностью творческого потенциала в культурном пространстве. В-третьих, существующие типы девиантности связаны с проблемой выбора и ответственности в культуре и классифицируются по критерию отношения к ядру культуры и характеру культурных изменений.

Литература

1. Культурология: XX век. М., 2004.
2. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001.
3. Ильин И. Постмодерн. М., 2001.
4. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004.
5. Бенхабиб С. Притязания культуры. М., 2003.
6. Самосознание культуры и искусства XX века. СПб., 2000.
7. Турен А. Возвращение человека действующего. М., 1998.
8. Яцино М. Культура индивидуализма. Харьков, 2012.
9. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М., 2000.
10. Новая постиндустриальная волна на

References

1. Kul'turologiia: XX vek. M., 2004.
2. Bek U. Chto takoe globalizatsiia? M., 2001.
3. Il'in I. Postmodern. M., 2001.
4. Kasavin I.T., Shchhavelev S.P. Analiz povsednevnosti. M., 2004.
5. Benkhabib S. Pritiazaniia kul'tury. M., 2003.
6. Samosoznanie kul'tury i iskusstva XX veka. SPb., 2000.
7. Turen A. Vozvrashchenie cheloveka deistvuiushchego. M., 1998.
8. Iatsino M. Kul'tura individualizma. Khar'kov, 2012.
9. Bek U. Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu. M., 2000.
10. Novaia postindustrial'naia volna na

Западе. М., 1999.

11. *Хагуров Т.А.* Человек потребляющий: проблемы девиантологического анализа. М., 2006.

12. *Моторина Л.Е.* Философская антропология. М., 2003.

13. *Воденко К.В.* Культура и наука: религиозный контекст (по работам П.А. Флоренского). Новочеркасск, 2008.

14. *Воденко К.В.* Религия и наука в европейской культуре: динамика соотношения когнитивных практик. Новочеркасск, 2012.

Zapade. M., 1999.

11. *Khagurov T.A.* Chelovek potrebliaushchii: problemy deviantologicheskogo analiza. M., 2006.

12. *Motorina L.E.* Filosofskaia antropologiya. M., 2003.

13. *Vodenko K.V.* Kultura i nauka: religiozniy kontekst (po rabotam P.A. Florenskogo). NovoCherkassk, 2008.

14. *Vodenko K.V.* Religia i nauka v evropeiskoi culture: dinamika sootnosheniya kognitivnih praktik. NovoCherkassk, 2012.